

УДК 130.2: 572.026

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПОГРАНИЧЬЯ: МАРГИНАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, АНДРОГИНИЗАЦИЯ

В.М. Кочан

В статье исследуются процессы культурно-антропологических трансформаций в зонах культурного пограничья. Обосновывается возможность изучения «человека пограничья» как особого культурно-антропологического феномена. Проводится типология вариантов формирования человека пограничья.

Ключевые слова: пограничье, культура, маргинализация, интеграция, андрогинизация.

В современных гуманитарных исследованиях все большее место начинает занимать изучение пограничья как интегрального социокультурного феномена [1]. В условиях интенсивного социокультурного взаимодействия, свойственного современной культуре, все большую роль в ней начинают приобретать социокультурные пространства, находящиеся на пересечении культурных и цивилизационных границ. Это стало причиной того, что исследование социокультурных характеристик пограничья приобрело особо актуальное значение.

Изначальный смысл термина «пограничье» в социокультурном контексте – это некое пространство, где происходит пересечение, продуктивное взаимодействие, наложение друг на друга различных культур [2, с.22]. Но исследователи данного социокультурного феномена, концентрируя свое внимание на формировании новых социальных и культурных форм и практик в условиях интенсивного культурного и цивилизационного обмена, нередко забывают о том, что творцом всех этих форм и практик является человек, заброшенный в данные социокультурные условия.

Культуру нередко понимают как то, что создано человеком. Поэтому социокультурные формы и практик пограничья также есть результат деятельности людей в специфических социальных, культурных, политических условиях. Иными словами пограничье есть не только социокультурный, но и социально-антропологический феномен. Такое понимание сущности феномена пограничья использует, например, О. Мартинец. В результате исследований социокультурных взаимодействий в районе американо-мексиканской границы для анализа культурно-антропологической составляющей пограничья он предложил использовать категорию «приграничные люди», которая означает сообщество, социокультурные характеристики которого конституированы имеющейся государственной границей, разделяющей два общества и две культуры [3]. Но нельзя не признать, что на формирование человека пограничья оказывают влияние не только государственные, но и культурные и этнические границы.

Все это обуславливает актуальность исследования не просто феномена пограничья, его социокультурной специфики, а человека в ситуации пограничья, раскрытия форм человеческой деятельности, специфики его сознания.

сформированного в культурном пограничьи, то есть в условиях интенсивного социокультурного взаимодействия и обмена. Задачей нашего исследования является анализ антропологической составляющей культуры пограничья.

Ситуация пограничья это в первую очередь интенсивное взаимодействие с иными культурами. Согласно теории межкультурных коммуникаций во взаимодействии индивида с иной культурой возможна реализация четырех основных стратегий трансформации комплекса его социокультурных качеств (аккультурация): ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция [4., с.205-206]. Ассимиляция представляет собой вариант аккультурации, при котором происходит полная идентификация с новой культурой при отрицании старой. Сепарация означает отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей. Маргинализация означает утрату исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чуждость как для исходной, так и для новой культуры. Интеграция, как наиболее предпочтительная стратегия, характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами.

Если применить эти стратегии для анализа формирования социокультурной идентичности человека пограничья, то окажется, что ни ассимиляция, ни сепарация не соответствуют исходному определению пограничья как социокультурного феномена. Это связано с тем, что достижение как результата ассимиляции (утрата культуры), так и сепарации (изоляция) не соответствует общей стратегеме культурного взаимодействия – в обоих случаях ситуация пограничья исчезает. Маргинализация и интеграция как стратегии требуют дополнительного анализа.

Вывод о маргинальности как существенной черты человека пограничья лежит на поверхности. Действительно, понятие маргинальности, феномен маргинального человека были разработаны Р. Парком именно для анализа культурного взаимодействия. В его теории маргинальный человек предстает как иммигрант, полукровка, живущий «в двух мирах». Исходным условием возникновения маргинала, с точки зрения Р. Парка является конфликт культур, вызывающий дезорганизацию индивидуальной структуры опыта, нестабильность и разрушение целостности личности человека принадлежащего одновременно к конфликтующим культурам. «Без сомнения, - отмечает Р. Парк – периоды перехода и кризиса в жизни большинства из нас сравнимы с теми, которые переживает иммигрант, когда он покидает родину, чтобы искать фортуны в чужой стране. Но в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности» [5, 355-356].

В дальнейшем концепция маргинального человека разрабатывалась Э. Стоунквистом, который с помощью данного понятия также как и Р. Парк характеризует социального субъекта, участвующего в культурном конфликте. Маргинальным человеком, согласно Э. Стоунквисту, становится индивид, находящийся на краю нескольких культур, но не принадлежащий ни одной из них, это «личность, которая... оказывается на периферии каждой из культур и не является членом ни той, ни другой» [6, 100]. Средой, в которой формируется маргинальный человек, оказывается культурное пространство, где две культуры

переплетаются, и где осваивающая пространство культура комбинирует, объединяет особенности обеих. Маргинальный человек находится в центре этого переплетения.

Сложившееся в социокультурных исследованиях содержание понятия «маргинальный человек» указывает нам, что его нельзя полностью применять к ситуации культурного пограничья. Маргинальность - это ситуация дезадаптации, неприспособленности индивида, действующего на грани двух культур. Человек пограничья, поскольку он представляет сложившуюся констелляцию культурных элементов, наоборот вырабатывает новый адаптивный комплекс к ситуации культурного пограничья.

Маргинальность подразумевает наличие кризиса идентичности или хотя бы его элементов. Говорить о том, что человеку, комплексу идентификаций которого определяется культурными характеристиками и социальными взаимодействиями пограничья, изначально присущ кризис идентичности как минимум не корректно. Кризис вообще – это состояние перехода, понятие кризиса идентичности возникло и стало применяться в социальном и психологическом знании именно для описания переходных состояний в психике индивида или коллективном сознании социальных общностей [7, с.135]. Но пограничье - это устоявшийся культурный и социальный феномен, соответственно, идентичность человека пограничья – это не кризисное состояние, а комплекс идентификаций, отличный от аналогичных комплексов у индивидов, полностью принадлежащих к какой-то одной из граничащих и взаимодействующих культур.

Вместе с тем, нельзя не признать, что маргинализация – это один из процессов формирования человека пограничья. В ситуации формирования нового пограничья, когда изменяется культурный базис, возникают новые межкультурные взаимодействия и коммуникации, которые становятся причиной определенного культурного шока, сознание и поведение людей, населяющих соответствующие регионы, может приобрести черты маргинальности. Это возможно и в том случае, когда в регионе старого пограничья резко изменяется социокультурная ситуация, появляются новые взаимодействия, трансформируются отношения между центром и периферийными регионами.

Таким образом, феномен маргинального человека не является доминирующим социокультурным типом культуры пограничья, ее модальной личностью, настолько, насколько не соответствуют друг другу ситуации разложения на части и формирования целого из частей. Однако маргинализация – это один из социокультурных процессов, формирующих человека пограничья, и в определенных ситуациях этот процесс может играть значительную роль. В качестве примера маргинализации в культуре пограничья можно привести ситуацию формирования новых границ на постсоветском пространстве. Жители приграничных территорий бывших советских республик внезапно попали в неблагоприятную ситуацию разрыва социальных взаимодействий, складывающихся десятилетиями. На новых приграничных территориях постсоветских государств, как правило, наиболее значительными оказались последствия экономического кризиса, кроме того новые границы нарушили культурные и экономические связи, появился целый ряд проблем, связанных с традиционными видами деятельности

приграничных жителей [8]. Все это обусловило проблемы с формированием новой идентичности и, как следствие, процессы маргинализации.

Противоположной стратегией в ситуации межкультурного взаимодействия выступает интеграция, которая, как указывалось выше, представляет собой объединение различных культурных черт в единый комплекс. В процессе интеграции сочетание элементов различных культур представляет лишь исходный базис, на основании которого создается новый комплекс социокультурных качеств. В этом смысле интеграция – процесс противоположный маргинализации. Если маргинал не принадлежит по настоящему ни к одной из культур, то результатом интеграции является органическое сочетание, адаптация элементов взаимодействующих культур к сложившимся условиям, выработка новой идентичности.

В условиях культуры пограничья интеграция будет представлять собой процесс формирования новой социокультурной среды на основе межкультурного взаимодействия а возможно и в перспективе – новой культуры. Это процесс трансформации как наличных социокультурных институтов, ценностно-нормативных комплексов, так и заимствованных. Таким образом, процесс интеграция – это появление носителей новых культурных качеств, несводимых к сумме исходных элементов. Примером такого рода процесса можно считать формирование эллинистической культуры на Ближнем Востоке, прежде всего в зоне наиболее сильных контактов – в Сирии, являвшейся своеобразным пограничьем между античной, египетской, месопотамской и иранской культурой. Результатом интеграции можно считать и украинскую культуру, в рамках которой синтезированы элементы культуры леса и степи, а примером человека пограничья, который интегрировал в себе элементы разных культур и создал новое культурное качество является запорожский казак.

Интеграция и маргинализация являются противоположными полюсами единого континуума вариантов результатов межкультурного взаимодействия в ситуации пограничья. В этом смысле интеграция и маргинализация есть процессы определенного отрицания культуры пограничья. Маргинал – не желает вписываться в ситуацию межкультурного взаимодействия. Человек, выбравший (осознано или неосознанно) стратегию интеграции различных культур, постепенно преодолевает пограничность и формирует новую самостоятельную социокультурную среду.

В условиях, когда есть в наличии противоположные модели социокультурных процессов, неизбежно должны существовать промежуточные модели и сценарии. Поскольку и маргинализация и интеграция являются противоположными процессами формирования человека пограничья и встречаются не очень часто, процесс промежуточного типа должен идти несколько иначе.

В качестве процесса формирования человека пограничья мы предлагаем модель культурной андрогинизации. Как известно в древнегреческой мифологии и философии (Платон) андрогин - это метафорическое существо, психическая персонификация, в которой мужское и женское начала удерживаются в сознательном равновесии. В образе андрогина, в отличие от нераздельного и нерасчленимого гермафродита, принципы мужского и женского сочетаются без

слияния их характерных свойств [9]. То есть андрогин - это и не интегрированная сущность, и не маргинализованная разделенность.

Под андрогинизацией Е. В. Середкина понимает вынужденное или добровольное наложение различных культурных матриц, в результате чего возникают новые интерпретации новых структур реальности, которые носят ярко выраженный транснациональный, кросскультурный характер [10, с.179]. Данная модель используется для анализа взаимопроникновения восточных и западных культур в различных пропорциях и соотношениях, на основе которого формируется своеобразный восточно-западный синтез, сохраняющий основы как западной, так и восточной культуры.

Для анализа формирования человека пограничья модель культурной андрогинизации представляет собой описание ситуации, когда в одном субъекте совмещаются элементы различных культур, что позволяет их носителю продуктивно взаимодействовать в социокультурной среде, формирующейся на стыке различных культур и обществ и включающей в себя в различных пропорциях институциональные, аксиологические, нормативные, поведенческие культурные элементы разного происхождения. Модель культурной андрогинизации занимает промежуточное положение между маргинализацией и интеграцией. Социокультурный антропотип, сформировавшийся в результате реализации данной модели межкультурного взаимодействия в рамках культуры пограничья – это не маргинал, который не принадлежит ни одной из взаимодействующих культур и не представитель социокультурной общности, сформировавшийся на основе такого взаимодействия как самодостаточный культурный феномен

Примером культурной андрогинизации могут служить результаты византийско-тюркского культурного взаимодействия в Анатолии в XIV-XV вв. Наиболее яркий пример – двуименность представителей династии Великих Комнинов в Трапезундской империи, многие из которых имели как греческое, так и тюркское имя [11, с.215-216]. С учетом, того, что греческое имя давалось при крещении, то есть имело сакральный характер, принятие и использование тюркского имени представителями правящей династии, которые властвовали как над грекоязычным населением, так и над некоторыми тюркскими племенами имело важный символический смысл объединения граничащих культур. Билингвизм в пограничье соседствующих этнокультурных общностей это достаточно типичный пример андрогинизации. В этом смысле культурная андрогинизация есть обогащение культурного багажа человека пограничья, процесс при котором, по словам В. Н. Топорова, происходит обмен экстенсивного пространства культуры на интенсивное [14, с.144]. Другой пример андрогинизации в культурном пограничье – секта алавитов в Сирии, члены которой, являясь мусульманами, одновременно почитают Христа и апостолов, читают Евангелия, празднуют Рождество и Пасху, причащаются хлебом и вином. Эта секта сложилась в IX-X вв. в северных районах Сирии на границах тогда еще христианской Киликии и мусульманской Сирии [13, с.87-88].

Различие в воздействии этих процессов на формирование человека пограничья обнаруживается при сравнении особенностей идентичностей. Для

маргинализированного человека характерна кризисная идентичность, неспособность полноценно идентифицировать себя ни с одной из культур. Процесс интеграции означает, в том числе, и выработку новой идентичности, несводимой к исходным. Андрогинизация означает обогащение имеющейся идентичности новыми идентификациями и соответствующими оценочными и эмоциональными составляющими.

В заключении необходимо отметить, что выделенные процессы формирования человека пограничья - это идеальные типы, чистые случаи, фиксированные точки в континуальном пространстве социокультурных феноменов, относящихся к процессам межкультурного взаимодействия. В реальной социокультурной ситуации возможно сочетание этих типов. Поскольку социальные и культурные взаимодействия чрезвычайно разнообразны и охватывают сферы политики, экономики, права, искусства, повседневности, то в каждом из этих аспектов возможно параллельная реализация различных социокультурных процессов формирования человека пограничья.

Список литературы

1. После империи: исследования восточноевропейского пограничья: Сб. статей / Под ред. И Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. – Вильнюс: ENU-international. 2005. – 204 с.
2. Шестакова К. Ю. Актуальні проблеми польсько-українського прикордоння в дослідженнях польських соціологів (90-ті роки ХХ століття) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологія. Психологія. Педагогіка. Вип. 17-18. – 2003. – С.22-25.
3. Martínez O. Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Border. Tucson: The University of Arizona, 1998.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие. – М.: Ключ-С, 1999. – С. 205-206
5. Парк Р. Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – М.: ИНИОН, 1998. – №3. – 250 с.
6. Стоунквист Э. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1979. – С.90-112.
7. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. – 1996 - №1. – С. 131-143.
8. Кулдин С. Влияние границы на экономическое поведение населения, проживающего на берегу Псковского и Чудского озер // Кочующие границы. Сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12-16 ноября 1998) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб.: ЦНСИ, 1999. // <http://www.indepsocres.spb.ru/7r.htm>
9. Андрогин // Психологическая энциклопедия // http://mirslouvrei.com/content_psy/ANDROGIN-2764.html
10. Середкина Е.В. Путь Востока. Универсализм и партикуляризм в культуре. Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С.178-189
11. Шакуров Р.М. Имя и власть на византийском Понте // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М.: Алетейя, 1999. – С.194-234.
12. Топоров В.Н. Из «Русско-персидского» дивана. Русская сказка «Повесть о Еруславе Лазаревиче» - «Шах-наме» и авестийский «Зам-язат-яшт» (этнокультурная и историческая перспективы) / Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. – М.: Индрик, 1995. – С. 142-144.
13. Саутов В.Н. Алавиты: социально-политические и идейные истоки вероучения // Ближний Восток и современность. - М.: ИИИиБВ, 1995.

Кочан В.М. Формування людини пограниччя: маргіналізація, інтеграція, андрогінізація

В статті досліджуються процеси культурно-антропологічних трансформацій в зонах культурного пограниччя. Обґрунтовується можливість дослідження «людини пограниччя» як особливого культурно-антропологічного феномена. Проводиться типологія варіантів формування людини пограниччя.

Ключові слова: пограниччя, культура, маргіналізація, інтеграція, андрогінізація.

Kochan V.M. Forming of man of borderland: marginalization, integration, androginization

In the article the the processes of cultural-anthropological transformations in the areas of cultural borderland are explored. Possibility of study of «man of borderland» as the special cultural-anthropological phenomenon is grounded. Typology of variants of forming of man of borderland is conducted.

Keywords: borderland, culture, marginalization, integration, androginization.

Поступило в редакцію 11.09.2007